

ФГБОУ ВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт финно-угроведения
ТУРКУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (ФИНЛЯНДИЯ)
Сектор исследования языков Поволжья
ГГНУ «МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М. ВАСИЛЬЕВА»
МАРИЙСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ФИННО-УГРОВЕДОВ

**Языки, литература и культура народов
полиэтнического Урало-Поволжья
(современное состояние
и перспективы развития)**

Материалы VIII Международного симпозиума
«ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ ПОВОЛЖЬЯ»

(18-20 августа 2011 г.)

Йошкар-Ола
2011

УДК 811.511
ББК 81.66
Я 41

Редакционная коллегия:

Р.А. Кудрявцева (отв. ред.),
Л.А. Абукаева, Г.Н. Бояринова, Н.Н. Глухова, И.Г. Иванов,
Л.С. Матросова, В.Н. Максимов, О.А. Сергеев, С.С. Сабитов,
В.А. Александров (отв. секр.)

Рекомендовано к изданию
редакционно-издательским советом МарГУ

Я 41 Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья
(современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Международ-
ного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (18—20 августа 2011 г.) /
Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2011. – 522 с.

Данный сборник составлен на основе материалов VIII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья», посвященного теме «Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития)».

Он адресован ученым, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам и всем интересующимся вопросами филологии Урало-Поволжья, финно-угорского языкознания, сравнительного изучения фольклора, литературы и культуры народов Урало-Поволжья.

Ответственность за содержание материалов, глоссирование и перевод примеров несут авторы статей.

УДК 811.511
ББК 81.66

© ФГБОУ ВПО «Марийский
государственный университет», 2011
© Коллектив авторов, 2011

Иванов, И.Г. Актуальные проблемы современного марийского литературного языка // Актуальные проблемы литературного языка. – Йошкар-Ола, 1989. – С. 24-35.

Кельмаков, В.К. Мои «встречи» с Кедром Митреем, или Кедр Митрей и удмуртские диалекты // Опыленный подвиг Батыра: Жизнь и творчество Кедр Митрея: воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея. – Ижевск: Удмуртия. 2003. – С. 192-202.

Мустаев, Е.Н. Марий синоним мутер. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. – 254 с.

Ракин, А.Н. Семантические и лексические диалектизмы в контексте художественного произведения // Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – С. 318-326.

Солганик, Г.Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие. – М.: Академия, 2006. – 304 с.

Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов н/д: Феникс, 2008. – 811 с.

Тараканов, И.В. Архаизмы как источник обогащения словарного состава удмуртского литературного языка // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: материалы V Междун. симп. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 122-139.

Тараканов, И.В. Краткий словарь устаревших и устаревающих слов удмуртского языка. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2010. – 40 с.

Wichmann, Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsingfors, 1903. – 70 s.

Н.В. Кондратьева
г. Ижевск

К ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУФФИКСА -ГЕС В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (НА МАТЕРИАЛЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА)

В грамматической структуре пермских языков одной из лексико-грамматических категорий имени прилагательного является категория степеней качества, которая обозначает «субъективную оценку степени интенсивности проявления признака. При выражении степени качества говорящий дает также и свою субъективно-эмоциональную оценку, причем оценка говорящим является во многих случаях определяющей» [25, с. 38–39]. Данная категория представлена тремя формами: позитивом (положительная степень), модеративом (степень неполного качества) и интенсивом (высокая степень качества).

Выделение данной парадигмы¹ в отдельную лексико-грамматическую категорию в удмуртском языкознании относится к 90-м гг. XX века, до этого исследуемые формы отдельно не рассматривались. Конструкции, образованные посредством редупликации основы прилагательного (*лыз-лыз* 'синий-синий') или присоединением к этой основе усилительных слов (*туж* 'очень', *слишком'*, *ортчым* 'чрезмерно', *укыр* 'слишком' и др.), большинство составителей грамматик удмуртского языка [6, с. 25–26; 29, с. 71; 38, с. 66] относило к формам суперлатива. Аффиксы *-алэс* ('-ялэс'), *-мыт*, *-пыр* ('-пырьем') ученые рассматривали либо как деривационные [28, с. 417–418; 8, с. 143], либо как формообразовательные [2, с. 573] аффиксы. Суффикс *-гес/-гем* в этом контексте рассматривался лишь как суффикс сравнительной степени имен прилагательных, а его употребление в качестве суффикса, указывающего на неполноту проявления признака, оставался вне поля зрения исследователей. И лишь в последние десятилетия появился ряд

¹ В алтаистике интенсив и модератив чаще всего рассматриваются как формы категории степеней сравнения имени прилагательного: положительная, сравнительная, превосходная и уменьшительная (см. в частности: [36, с. 67–68]). Однако имеется и другая точка зрения: «Формы выражения степени признака являются в нанайском языке продуктами словообразовательного процесса (деривативного формообразования), никак не словоизменения. Поэтому связывать их с категорией степеней сравнения прилагательных нельзя» [1, с. 210–211].

работ удмуртских лингвистов, в частности, И.В. Тараканова [34, с. 220–223; 35, с. 216–220], В.К. Кельмакова [20, с. 130], Д.А. Ефремова [12, 166–168; 13, с. 92–96; 14, с. 11; 15, с. 173–175], Л.Л. Карповой [18, с. 67] (см. также работы В.М. Лудыковой [23, с. 159–170; 24, с. 37–57; 25, с. 38–47] и др.), в которых степени качества имен прилагательных рассматриваются в качестве самостоятельной лексико-грамматической категории.

Помимо выражения компаративных и модеративных значений имен прилагательных, исследуемый суффикс употребляется в морфологической структуре наречий, местоименных и послеложных основ, финитных и инфинитных глагольных форм, а также в структуре имен числительных и существительных [37, с. 139–140; 19, с. 120–121; 17, с. 94–95].

О возможности суффиксов *-гес* и *-гем* присоединяться к падежным формам имени существительного в удмуртском языке впервые поднимает вопрос, по-видимому, финский исследователь Т.Г. Аминофф, хотя в качестве примера он приводит наречную форму *kid'okynge* 'далее': «*Votjakin kielessä liittyy, niinkuin muissakin suomalais-ugrilaisissa kielissä, komparatiivin pääte myöskin substantiveihin, ei kuitenkaan suoraan vartaloon, vaan sijäpäätteiden perään, es. kid'okyn kaukana, komp. kid'okynge kauempana. Tämän seikka osoittaa, että komparatiivi votjakin kielessä on verrattain nuori muodostus*» [41, с. 29].

Аналогичное утверждение можно найти и в «Грамматике вотяцкого языка» А.И. Емельянова, где автор в качестве примеров также приводит послеложные и наречные формы: «Сравнительные суффиксы могут употребляться даже с косвенными падежами имени [курсив наш. – Н.К.]: *guraz dorikiges vetle*. Поближе к печке ходит; *mateges _поближе_» [11, с. 116]. Однако проблема дистрибуции суффикса *-гес* (в современной художественной прозе мы не нашли ни одного примера употребления суффикса *-гем* в сочетании с субстантивной основой) и ее функциональная нагрузка в морфологической структуре имени существительного удмуртского языка до сих пор остается неисследованной. В связи с этим в данной работе попытаемся рассмотреть данное лингвистическое явление.*

В рамках литературного удмуртского языка показатель *-гес* в морфологической структуре имен существительных имеет невысокую частотность употребления. Исследуемое явление более широко представлено в разговорной речи, где суффикс *-гес* постпозитивно присоединяется вслед за падежными маркерами и, по-видимому, может быть представлен в морфологической структуре всех членов парадигматического ряда: *гармошка-ен-гес шудылыны* 'чаще/обычно играть на гармошке'; *нюлэск-ын-гес поръяны* 'чаще/обычно гулять в лесу'; *анаезь-я-гес кариськылыны* 'чаще/обычно соглашаться со своей матерью' и др.

С точки зрения функциональной нагрузки, субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*, могут использоваться:

а) в значении выражения неполной степени проявления субъектно-объектных, пространственно-временных и других характеристик действия: *Коньдон но Володя ки-ын-гес возиськылйз*. Деньги тоже чаще хранились у Володи (букв. на руках у Володи)' [30, с. 56]. *Водопроводэз но Кирла кышно-ез-лы-гес луыса ас коркаезлы матэ кыскытйз*. И водопровод Кирла попросил протянуть поближе к своему дому большей частью из-за свой жены' [22, с. 9]. *Будйз со, вань зыбёсыз сямён ик – урам-ын-гес*. Рос он, как и все его товарищи – большей частью на улице' [32, с. 140].

б) для выражения субъективной модальности, при котором обозначается эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения: *Кышномурт кышномуртгес ик, солэн бордон ымдуразгес, курек-тон-кайгу кыл йылаз*. Женщина – это все-таки женщина, ее легко довести до слез (букв. плач у нее на губах), она делится своими печалью (букв. печаль-кручина у нее на языке)' [31, с. 364], или вносится дополнительный оттенок предположения, допущения: *Сюанмы ресторан-ын-гес луоз, дыр*. Нашу свадьбу, скорее всего, сыграем в ресторане (букв. Наша свадьба, скорее всего, в ресторане будет, наверное)' [26, с. 76]. Выражение модальных значений посредством суффиксов,

выражающих степень признака или действия, характерно и в коми языке: «В целом у глаголов в уменьшительной степени можно выделить две разновидности основного значения: а) уменьшительное простое и б) уменьшительное модальное. Уменьшительное простое показывает малое проявление действия или недостаточный результат его. Уменьшительное модальное значение в качестве дополнительного оттенка включает в себя предположение, допущение со стороны автора-повествователя» [40, с. 111].

В рамках данной статьи отдельно остановимся на исследовании первой функции, или выражении тотальности/парциальности действия посредством исследуемого аффикса.

Ю.Л. Воротников, исследуя категорию меры признака в смысловом строе языка, считает, что исходный смысл «мера признака» традиционно членится на смыслы «безотносительная» и «относительная мера признака», на базе которых формируются частные смысловые категории «безотносительных и относительных степеней качества» (более высокий и очень высокий, самый длинный и чрезвычайно длинный). В свою очередь, в системе безотносительных степеней качества (имплицитно они выражают относительный характер меры качества и содержат отсылку к абсолютному компоненту их значения), по мнению ученого, следует разграничивать степени интенсивности (избыточная – достаточная – недостаточная) и степени полноты (полная – неполная), а в системе относительных степеней качества выделяются равная (экватив), сравнительная (компаратив) и превосходная (суперлатив); позитив же рассматривается как исходная форма относительных и безотносительных степеней качества [5].

Учитывая данную классификацию, можно отметить, что субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*, относятся к группе безотносительных степеней качества и чаще всего указывают на степень неполноты охвата действия/признака. В пользу данного утверждения можно привести следующие доводы.

1) Как при выявлении степеней сравнения, так и при исследовании степеней интенсивности и полноты действия, в основе оценки лежит диалектическое единство языка и мышления. Однако, при оценке степеней сравнения необходимо наличие двух и более объектов сравнения, в частности, «имя прилагательное в сравнительной степени называет качество, свойственное данному предмету или предметам (в большей мере, чем другому какому-нибудь предмету (предметам), или же в большей мер, чем сам предмет обладает, обладал или будет обладать этим качеством в других условиях или в другое время» [7, с. 287], например: *Эшъёсыз сярьсь арлыдэн бадъымгес, соин-а, мар-а возъдаське. По сравнению со своими сверстниками (Паня Алатырева – Н.К.) немного старше по возрасту, может быть из-за этого она смущается* [21, с. 88]. Имя прилагательное в превосходной степени означает «высшую степень качества или превосходство данного предмета над рядом других в отношении степени называемого качества» [7, с. 288]. С этой точки зрения субстантивные формы, маркированные показателем *-гес*¹, могут употребляться в

¹ Аналогичное значение – степень неполноты качества/признака – выражается при помощи суффикса *-гес/-гем* и в структуре имен прилагательных: *Со улз юром тичигес скамейка пуктй.* [Под нее [под яблоню] я специально соорудил небольшую скамейку] [31, с. 163] или: *Яша туж яратз йёлын лэсьтэм кизергес омлетз.* Яше очень нравится приготовленный на молоке слегка жидкий омлет [31, с. 278]. Однако, если при выражении степеней качества имен прилагательных используется трехчленная парадигма: позитив – модертив – интенсив, то при выявлении полноты охвата действия, по-видимому, следует разграничивать лишь двухчленную структуру: позитив (выражение полноты охвата действия) – модертив (выражение неполноты охвата действия). Следует заметить, что наличие тернарной структуры степеней проявления действия характерно в исследуемом языке и для вербальных единиц: *курадзим* (мы) мучались, страдали ~ *курадзимгес* (мы) немного измучались ~ *туж курадзим* (мы) сильно измучались, напр.: *Буран жутскемен курадзимгес, сюрес согиськыз.* Из-за того, что начался буран, [мы] немного помучались, [т.к.] дорогу замело [3, с. 17]; или: *Ураме потыса, Аннокез уल्याс лэзьысал выльм но, уггес дйсьты.* Выйдя на улицу, [Вася] прогнал бы Анну, но (букв. немного) не смеет [22, с. 65], а также для наречных форм: напр., *Государственной комиссийсь одйгез гинз пумитгес вераськыз.* Только один [из членов] Государственной комиссии был немного против (букв. говорил немного против) [33,

предложении вне подобного сравнения, а лишь характеризовать неполный охват действия: *пыдын ветлыны* *ходить* пешком' (полный охват действия) – *пыдынгес ветлыны* *чаще/обычно* ходить пешком (но не всегда)' (неполный охват действия); *вынызлы жингыртыны* *звонить* брату' – *вынызлыгес жингыртылыны* *чаще/обычно* звонить младшему брату (но не всегда)' (неполный охват действия) и др. В этом контексте следует заметить, что вербальная единица, управляющая субстантивной формой, маркированной показателем *-гес*, чаще всего допускает семантическое значение многократности действия или имеет значение постоянного признака субъекта (или объекта) действия: *Кызы ке озыи луиз: ваньмон дырзэс Яшаен-гес* куинь кузя *ортчытъяло*. *Как-то само собой* получилось: свое свободное время [они] проводят чаще с Яшей втроем' [31, с. 99]. Таким образом, суффикс *-гес* с структуре субстантивных основ (аналогично адъективным формам с модеративным значением, например: *Брюкиез выльгес на, нош кирзовой сапегъёсыз нокытчы ярантэмьсэ* [22, с. 84]. *Его брюки почти что еще новые, а вот кирзовые сапоги уже никуда не годны'*) не может быть рассмотрен в качестве компаративного показателя, т.к. (а) данные формы употребляются вне контекста сравнения; (б) они выражают не усиление признака, содержащегося в их основе, а – напротив – ослабление качества, неполноту его, сниженную его степень [19, с. 120–121].

2) По характеру выражения оценки в лингвистике принято различать абсолютную и сравнительную оценку: «абсолютная и сравнительная оценка находятся на пересечении категорий «качество» и «количество». Абсолютная оценка выражает степень проявления качества по отношению к типичной норме проявления этого признака. Сравнительная оценка выражает степень проявления признака качества по отношению к степени проявления этого признака у объекта сравнения. Абсолютная и сравнительная оценка устанавливают отношения равенства и неравенства. Отношение равенства реализуется в нормативном значении (термин Ю.Л. Воротникова – сочетание кванторов нормативности *нормально, средние* и т.д. с позитивом) и в эквативном значении (сочетание прономинальных слов типа *как, сколько* и т.д.). В языке абсолютная оценка представлена категорией интенсивности/градуальности, а релятивная оценка – категорией степеней сравнения.

Как подчеркивает В.В. Виноградов, «формы субъективной оценки, выражающие «смягчение, усиление или уменьшение качества», сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении отношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета» [4, с. 242]. В этом отношении субстантивные формы, маркированные суффиксом *-гес*, также сами по себе никакого сопоставления предметов/действий по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении отношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта по отношению к действию с точки зрения тотальности/парциальности: *Ачим но махоркалыгес дыши ини, котьку сигарет басьтыны коньдон уг тырмы, но куд-ог дыръя ческытсэ верьям потэ*. *Я и сам больше к махорке привык, денег не всегда хватает, чтобы купить сигареты, хотя иногда хочется покурить хорошие [сигареты] (букв. хочется попробовать хорошие')* [9, с. 156]; *Валамон, уйёсыгес тыршизы, но ёрмонэз таман нош ик ёз шодьылз ини*. *Понятно, что они в основном трудились по ночам, но на нехватку [денег] некоторое время уже не жаловались'* [27, с. 252]; *Кыдёке мон ой уя. Тини со мур интыынгес бергай, – кыныз возьматиз Марзан*. *Я не заплывала далеко. Купалась в основном на том глубоком месте, – показала рукой Марзан'* [10, с. 363]; *Нош марлы ай тон, Васи, чемысь вальёстыгес суредаськод? А почему же ты, Вася, рисуешь чаще лошадей?'* [32, с. 101].

Исходная форма существительных (или формы без показателя *-гес*) в этом контексте указывает на степень проявления качества по отношению к типичной норме проявления этого

с. 36]. О случаях употребления суффикса *-гес/-гем* в морфологической структуре различных частей речи удмуртского языка см.: [19, с. 119–127], о степенях действия в пермских языках см.: 39, с. 105–115; 40, с. 248–254].

признака, в связи с чем соотносится с абсолютной нормой. При этом, следует заметить, что норма в этом отношении для любого признака субъективна и ситуативно обусловлена.

Таким образом, наличие суффикса *-гес* в морфологической структуре имени существительного указывает на неполную степень проявления действия и формирует по аналогии с лексико-грамматическим разрядом степени качества (позитив – модератив – интенсив) имен прилагательных усеченную оппозицию: позитив – модератив.

Литература

1. *Aminoff, T.G.* Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu. – 1896. – 2 (XIV). – S. 1–48.
2. *Аврорин, В.А.* Грамматика нанайского языка: Фонетическое введение и морфология именных частей речи / Ин-т языкозн. АН СССР. – Т. 1. – М.–Л., 1959. – 284 с.
3. *Алатырев, В.И.* Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: Около 35000 слов / Удм. НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: Русский язык, 1983. – С. 561–591.
4. *Васильев, Н.В.* Кин тон, атай? Веросьёс но повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1969. – 124 б.
5. *Виноградов, В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Высш. шк., 1986. – 640 с.
6. *Воротников, Ю.Л.* Степени качества в современном русском языке. – М.: Азбуковник, 1999. – 278 с.
7. *Глезденев, П.П.* Краткая грамматика языка народа удмурт. – Вятка, 1921. – 55 с.
8. Грамматика русского языка: Фонетика. Морфология / Ин-т русского языка АН СССР. – Т. 1. – М., 1960. – 720 с.
9. *Грязев, Г.Г.* Кирень куректон: очеркъёс, повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 280 б.
10. Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; отв. ред. П.Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.
11. *Емельянов, А.И.* Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. – Л.: Изд-во Ленингр. восточного ин-та, 1927. – 160 с.
12. *Ефремов, Д. А.* Грамматические свойства имени прилагательного в удмуртском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 20 с.
13. *Ефремов, Д.А.* Категория степеней качества в удмуртском языке и ее тюркские параллели // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Межд. науч. конф. – Ч. 1. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 173–175.
14. *Ефремов, Д.А.* Категория степеней качества прилагательного в удмуртском языке // тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. – Ч. 3. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1999. – С. 166–167.
15. *Ефремов, Д.А.* О способах выражения неполноты качества в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия». – Саранск, 2000. – С. 92–96.
16. *Ефремов, Д.А.* Удмурт кылысь каронкылтэн управлениез сярысь // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 43–54.
17. *Загребин, Е.Е.* Тулыс зор: Пьесаос, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 416 б.
18. *Каракулова, М.К., Каракулов, Б.И.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: учеб. пос. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. – 228 с.
19. *Карпова, Л.Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи / Удм. ИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2005. – 581 с.
20. *Кельмаков, В.К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
21. *Кельмаков, В.К., Ефремов, Д.А.* О функциях суффиксов сравнительной степени *-гес ~ -гем* в удмуртском языке // LU. – 1997. – № 2 (XXXIII). – С. 119–127.
22. *Красильников, Г.Д.* Кошкисез мед кошкоз: веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 176 с.
23. *Красильников, Г.Д.* Тонэн кылысько: роман, повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 390 б.
24. *Лудыкова, В. М., Федюнова, Г.В.* Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков: научное издание. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2003. – 171 с.
25. *Лудыкова, В.М.* Синтаксис имени прилагательного в коми языке: дис. ... д-ра. филол. наук. – Сыктывкар, 2006. – 445 с.

26. Лудыкова, В.М. Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка // *Пермистика* – 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. статей. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2001. – С. 159–170.
27. Нянькина, Л.В. Ваёбыж кар: веросьёс, повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 176 с.
28. Перевоицков Г.К. Шелеп: повестьёс, верос; Жестокосердие: повести, трилогия / пер. с удм. Вл. Емельянова. – Ижевск: Удмуртия, 2004. – 464 б.
29. Перевоицков, П.Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка (синтаксис, лексикология, морфология) // *Удмуртско-русский словарь* / НИИ ист., языка, лит. и фолькл. при Сов. Мин. Удм. АССР. – М.: ОГИЗ ГИИНС, 1948. – С. 369–446.
30. Поздеева, А.А. Удмурт кыл грамматика. Фонетика и морфология. – Ижевск, 1982. – 156 б.
31. Романова Г.В. Жужыт-жужыт гурезе...: верос сузъет, серемес веросьёс, выжыкыльёс, сценкаос. – Ижевск: Удмуртия, 2000. – 160 б.
32. Самсонов С.А. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо: роман. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 384 б.
33. Сергеев В.В. Лыдъя, лыдъя кыкы: повестьёс, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 208 б.
34. Смирнов В.Е. Погонтэм солдатъёс: партизанъёслэн улонысьтызы суредъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1968. – 89 б.
35. Тараканов, И.В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15. 8. 1995. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia.* – Jyväskylä, 1996. – С. 220–223.
36. Тараканов, И.В. Прилагательные, обозначающие степени качества в пермских языках // Тараканов, И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. статей. – Ижевск: Удмуртия, 1998. – С. 216–220.
37. Татарская грамматика: Морфология / АН Татарстана, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. – Т. 2. – Казань, 1993. – 397 с.
38. Тепляшина, Т.И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // *Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология.* – М.–Л.: Наука, 1964. – С. 136–145.
39. Ушаков, Г.А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 144 с.
40. Цыпанов, Е.А. «Степени действия» глагола в коми языке // *Linguistica Uralica.* – 1996. – № 2 (XXXII). – С. 105–115.
41. Цыпанов, Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке / Коми Научный Центр УрО РАН. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.

А.М. Кочеваткин
г. Саранск

ГЛАГОЛЫ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Слуховое восприятие наряду со зрительным является основным инструментом познания мира человеком. И в языке, и в речи семантические поля зрительного и слухового восприятия тесно связаны между собой.

Феномен восприятия привлекал внимание многих ученых и философов. В философии восприятие определяется как «чувственное познание, субъективно представляющееся непосредственным, предметов (физических вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношений предметов, событий)» [6]. Современная психология [2; 3] исходит из того, что восприятие – это процесс категоризации, осмысления воспринятого, процесс принятия интеллектуального решения, без которого восприятие не существует. Эти научные представления частично нашли свое отражение в языковой картине мира.

Семантическое поле восприятия активно изучается многими лингвистами в разных аспектах (Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, Л.М. Васильев, А.Х. Мерзлякова, Е.В. Падучева и